

Влас Михайлович Дорошевич

Перед весной

Влас Михайлович Дорошевич

Перед весной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22122730

Аннотация

«– Земли! Земли!

Слышите ли вы этот голодный вой, истинно волчий вой, который доносит ветер с покрытых снегом полей, – ветер, который стонет, как перед бедой в полуразвалившихся трубах нищих изб, ветер, который размётывает почерневшие соломенные крыши...»

Влас Дорошевич

Перед весной

Sa majesta la miseria!

«*Andrea Chene*», *atto I.*

– Земли! Земли!

Слышите ли вы этот голодный вой, истинно волчий вой, который доносит ветер с покрытых снегом полей, – ветер, который стонет, как перед бедой в полуразвалившихся трубах нищих изб, ветер, который размётывает почерневшие соломенные крыши.

– Гарантий! – раздаётся в городах.

– Конституции! – требуют одни.

– Нет, республики! – кричат другие.

– Пли! – командуют третьи.

«Достиг я высшей власти!»

Меланхолически декламирует граф Витте:

«Который год я властвую спокойно,

А счастья нет моей душе!

Напрасно мне чиновники сулят

Дни долгие, дни власти безмятежной...

Ни власть ни жизнь меня не веселят!»

– Земли! Земли! – гремят, гремят аккорды голодного воя.

- Восьмичасового рабочего дня! – требует пролетариат.
- Прямой подачи голосов!
- Нет! Двухстепенной! – спорят другие.
- Трёхстепенной!
- Нет-с! Энергичных мер! Продления осадных положений! – вопят четвёртые.
- Повесить! – командуют пятые.

«Я думал свой народ
В довольствии, во счастье успокоить,
Свободами любовь его снискать,
Но отложил пустое попеченье!
Живая власть для черни ненавистна!»

Плачет голос графа Витте.

- Земли! Земли! – поёт деревня.
- Земли! Земли! – гудит, вопит, растёт голодный вой.
- Действительной неприкосновенности личности!
- Двух палат!
- И четырёх свобод!
- Одной воли мало?! – язвительно хихикают третьи.
- Пори! – командуют четвёртые.

«Что ни возьмут назад, -
Всё я виновник тайный!
Союзы я лишил свободы!
Свободу у собраний отнял я же!»

И слово кто лишил свободы? Я!
В печати я искал себе опоры,
Свободой мнил её я осчастливить!
Вслед за редактором редактора сажают!..
И тут молва лукаво нарекает
Виновником редакторских невзгод.
Меня! Меня, премьер-министра!»

Рыдает голос графа Витте.

– Земли! Земли! – несётся вой со всей земли.

– На баррикады!

– Бей!

– Я умираю!

– Патронов не жалеть!

«И мальчишки кровавые в глазах!..»

Кончает монолог граф Витте.

– Земли! Земли! – растут, гремят и скоро всё собой по-
кроют аккорды голодного воя.

Весна идёт!

Не ищите в моих словах аллегии. Тем более, радостной.

Я не собираюсь петь «неблагодёжную» весну, которую
вызывал князь Святополк-Мирский своим весёлым возгла-
сом:

– Доверие!

Я говорю о той, настоящей весне, которая начинается в
марте, когда ломаются реки, сходит снег и обнажаются мок-
рые, чёрные поля.

И не радостно, – с печалью, с мучительной тревогой, с ужасом, как говорят это в семье, где есть чахоточный, говорю я:

– Весна идёт!

Родина мать!

Вражескими и дружескими руками израненная, истекающая кровью, родина!

Воин, смертельно раненый в несчастной войне.

Не оправилась ты, не зажили ещё раны, полученные тобой на полях битв, – как сотни новых, кровавых ударов, глубоких кинжальных ран поразили тебя.

Сто тридцать ран ещё не зажили, сто тридцать ран, – в 130-ти городах, которые ты получила в день объявления действительной неприкосновенности личности.

Ещё дымится рана против сердца, нанесённая тебе в Москве.

Ещё раздирают твоё мясо, ещё крутят и вертят кинжал в трёх огромных ранах – Кавказ, Прибалтийский край, Дальний Восток.

И мало этого!

Ещё!

Как тургеневский «лишний человек», ты должна со смертной тоскою думать:

«Пусть только вскроются реки, и я умру».

Израненная, неоправившаяся, кровоточащая, – ты должна ещё, как умирающая от чахотки, с ужасом ждать весны.

Весны, когда снег откроет мокрые, чёрные поля крестьянину:

– Паши!

И он пойдёт пахать землю, которая «ничья, а Божья».

В какие формы тогда облечётся этот голодный вой:

– Земли!

Какие движения будут сопровождать этот крик, этот вопль голодного и озверевшего от голода и беспросветно тёмного человека?

Вспомните пророчество, угрозу, заключённую в былине, созданной народом, о богатыре Илье.

Тридцать лет сидел сиднем Илья Муромец, и пришли калики перехожие, которые много стран исходили, и много видели, и видели, как живут другие люди.

И встал Илья и пошёл.

Куда пойдёт он теперь? И что раздавит на своём пути? И что уцелеет?

И останутся ли ещё среди нас, господа, люди, чтоб оплакать массу, – и какую! – лишних, ненужных, бесполезных и ни в чём неповинных жертв?

Шум, поднявшийся в больших городах, разбудил спавший народ.

Он спал в темноте и грезил своим любимым сном.

Который лежит на самом дне, в тайниках его души.

– Земля ничья, а Божья. Земля может принадлежать только «миру». И землёй никто «владеть» не может, как не мо-

жет владеть воздухом, водой, огнём.

Что, если, проснувшись, он начнёт осуществлять эту мечту, этот вековечный сон?

Эту первобытную идею?

И какими мерами?

Какие тёмные слухи пойдут среди народа?

Каким чудовищным вестям даст он веру?

И что он, тёмный, бесконечно тёмный, слепой от невежества, слепой от голода, совершит во имя этих слухов, во имя этих вестей?

Какая пугачёвщина готовится?

И какие новые, чудовищные, ещё невиданные формы придут ужасы, которым суждено, быть может, совершиться и заставить от негодования, от сострадания, от отчаяния, от страха содрогнуться весь цивилизованный мир.

В голодном вое:

– Земли! Земли!

Уже слышится приближение страшной весны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.